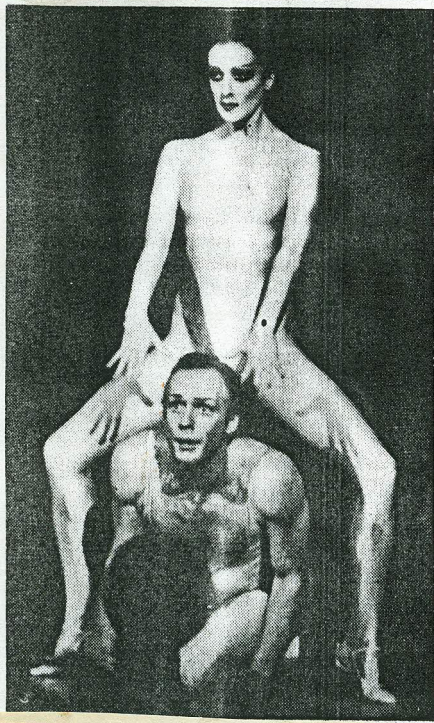

Балет мысли

В "Дон Жуане" очередной бесчисленный раз обыграна неувядающая и почему-то не теряющая привлекательности в глазах художников тема бесчестного соблазнителя. Но в данном случае "обыграна" в буквальном смысле слова. Спектакль задуман, как игра в Дон Жуана. Для нашей эпохи, когда все превратилось в забаву, от любви до политики, а символом времени стали компьютерные игры, прием не новый, но, как показал финал балета, - оправданный.

Однако не будем забегать вперед...

Итак, здоровые молодые парни решили поиграть в Дон Жуана и Лепорелло. На глазах у изумленного зрителя они облачились в исторические костюмы, и электронная музыка Штокхаузена сменилась рафинированной классикой Глюка. Не только мастерски подобранная балетмейстером музыкальная канва и соответствующее оформление А.Фрейбергса ограничивают временные рамки. В смысле хореографической интерпретации современности отдан модерн, а восемнадцатому веку - стилизованное рококо. В жеманный, нарочито красивый фарфоровый мир вторгаются Дон Жуан с верным слугой и ставят все с ног на голову. Сцены обольщения перемежаются мизансценами раскаивания. Пресыщенный Дон Жуан надеется уломать господина и получить отпущение грехов. В главной роли незаурядным актерским талантом блистал Виестурс Янсонс. То, что он хороший классический танцовщик, - общеизвестно, но то, что он способен на столь тончайшие нюансы артистического перевоплощения, для меня явилось откровением. Чего стоят те же эпизоды раскаивания, когда раз от разу трансформируется интонация героя (как ни парадоксально для балета, он молится словами, а не поднадоевшим стандартным набором жестов). От напускной серьезности Дон Жуан постепенно переходит к равнодушию, с трудом подавляя зевок, а затем и к откровенной издевке.

Вышеупомянутый стиль рококо требует весьма специфических тонкостей исполнения, красивых стоп, бисерных заносок, что не совсем пишется в амплу массового и явно воспитанного на прыжковой основе Янсонса. Однако он ухитряется заставить забыть об этом

почти мгновенно. У гибкого Дмитрия Харченко - Лепорелло со стилистикой мелкой техники все в порядке, несколько хуже со стабильностью. Довольно откровенно выглядят эпизоды с Лепорелло и сценическим оркестром, сопровождающим любовные наслаждения в беседке, но пошлый характер самого героя и неприкрытая суть его настойчивых ухаживаний обеляют и этот остроумный прием. Головокружительный по изобретательности дуэт поставлен под занавес первого акта - женщина - Ночное наваждение и Дон Жуан, сбросивший маску обольстителя, в великолепном исполнении К.Кырб и В.Янсонса.

Второй акт идет по нарастающей, а с момента нового Наваждения действие раскручивается в фантастическом темпе. Заманивание Дон Жуана на кладбище - балетмейстерское озарение. Кладбищенская стилизация под Жизель не столько пародийна, сколько снабжена достаточно доступными ассоциативными намеками, подводящими к основной идее. Происходит своеобразный реванш Вилис и Мирты, когда-то, лет сто пятьдесят назад проигравших Альберту. Мотив "Жизели" есть и в первом выходе Дон Жуана. Длинная драпировка волочащегося плаща и протянутые руки, но в них вместо лилии... яблоко ("To be or not to be", - говорит герой и, откусывая от яблока с древа познания, пускается во все тяжкие).

Вот он - долгожданный женский реванш, вот он - поверженный герой, над безвольным телом которого, на пороге той самой беседки увеселений появляется вампир. Она обволакивает жуткими кольцами любителя острых ощущений и дарит ему неизведанное за порогом смерти. Кара настигает Дон Жуана не в лице мужчины (ну что нам до какого-то командора, убитого на дуэли), а в лице женщины, материализовавшейся из небытия. Отсюда и "Жизель" с ее темой женской мести. Там рок был обречен, здесь он торжествует.

Финальную точку ставит Лепорелло. На грудь лежащего полуобнаженного Дон Жуана (скорее того, что было им раньше) он заботливо укладывает атрибуты игры - камзол и надкусанное яблоко - эпитафию на незадачливого героя. Доигрался! В балете всегда трудно найти достойный финал, особенно при подаче картин смерти. Столько сотен и тысяч вариантов преподносилось из года в год, что обойти тривиальность решения практически невозможно. Мурдмаа обошла.

Хореография всегда была искусством эмоциональным, быть может, наиболее эмоциональным из всех. Балет чувств - понятие распространенное. Постановки Мурдмаа я отнесла бы к иной категории - к балету мысли.

Асмик МАРКОСЯН.
На снимках: сцены из спектаклей.

Фото Г.ВАЙДЛА и Х.РОСПУ.